

Крымскіе эскизы.

I.

У и и.

... По утрамъ, просыпаясь, я отворяю окно моей комнаты и слушаю—съ горы, съвозъ пышаюу зелень сада ко мнѣ несется задумчивая пѣсня. Какъ-бы рано ни проснулся я, она уже звучать въ утреннемъ воздухѣ, напоенномъ сладкимъ запахомъ цвѣтушихъ персиковъ и инжира.

Свѣжій вѣтеръ вѣетъ съ могучей вершины Ай-Петри, густая листва деревьевъ надъ моимъ окномъ тихо колыхается, и шелестъ ея придаетъ звукамъ пѣсни много красоты, ласкающей душу. Сама по себѣ мелодія не красива и однообразна—она вся построена на диссонансахъ; тамъ, гдѣ ожидаешь, что она замретъ—она возвышается до тоскливо-страстного крика и такъ-же неожиданно этотъ дикій крикъ переходитъ въ нѣжную жалобу. Поетъ ее дрожащій, старческий голосъ, поетъ цѣлые дни съ утра и до вечера, и въ какой-бы часъ дня ни прислушался— всегда съ горы какъ ручей, льется эта безконечная пѣсня.

Жители деревни говорили мнѣ, что вотъ уже седьмой годъ они слушаютъ это задумчивое пѣніе. Я спросилъ ихъ:

— Кто-же это поетъ?—и мнѣ рассказали пріѣзжую это сумасшедшая старуха, Уми, у которой шесть лѣтъ тому назадъ мужъ и двое дѣтей поѣхали въ море ловить рыбу и все еще не вернулись.

Съ той поры Уми сидитъ на порогѣ своей сакли и смотритъ въ море и поетъ, дожидаясь своихъ родныхъ. Однажды я пошелъ посмотреть на нее. По извиистой тропинкѣ, мимо вросшихъ въ гору саклей, черезъ сады и виноградники я поднялся высоко на гору и тамъ увидалъ полуразрушенную, скрытую въ камняхъ и яркой зелени, саклю старухи Уми. Платанъ, фи́га и персики росли среди громадныхъ камней, скатившихся съ вершинъ Яйлы, журчалъ ручей, об-

разуя на пути своемъ рядъ маленькихъ водопадовъ, на крышѣ сакли росла трава, по стѣнамъ ея висело какое-то ползучее растеніе, и дверь ея смотрѣла въ море.

На камнѣ у двери сидѣла Уми—высокая, стройная, сѣдая, съ лицомъ, исчерченнымъ мелкими морщинами, и коричневымъ отъ загара. Камни, нагроможденные другъ на друга, сакля, полуразрушенная временемъ, сѣрая вершина Ай-Петри, въ жаркомъ синемъ небѣ, и море, холодно блестящее на солнцѣ, тамъ вверху,—все это создавало вокругъ старухи обстановку суровую и проникнутую важнымъ спокойствіемъ. Подъ ногами Уми, по горѣ разсыпалась деревня и съвозъ зелени садовъ ея разноцвѣтныя крыши напоминали о разсыпанномъ ящикѣ красокъ. Снизу доносился звонъ лошадиныхъ сбруй, шорохъ моря о берегъ и иногда—голоса людей, столпившихся на базарѣ около кофеенъ. Здѣсь наверху было тихо, только ручей журчалъ, да пѣсня Уми сопровождала его, безконечная, задумчивая пѣсня, начатая шесть лѣтъ тому назадъ.

Уми пѣла и улыбалась навстрѣчу мнѣ. Ея лицо отъ улыбки еще болѣе сморщилось. Глаза у нея были молодые, ясные, въ нихъ горѣлъ сосредоточенный огонь ожиданія и окинувъ меня ласковымъ взглядомъ, они снова остановились на пустынной равнинѣ моря.

Я подошелъ и сѣлъ рядомъ съ ней, слушая ея пѣсню. Пѣсня была такая странная—въ ней звучала увѣренность и смѣнялась тоской—въ ней слышались ноты нетерпѣнія и усталости, она обрывалась, замирала и снова возраждалась полная радостной надежды...

Но что-бы ни выражала собой эта пѣсня—лицо старухи Уми выражало лишь одно чувство—ожиданіе, въ которомъ не было сомнѣнія, увѣренное ожиданіе, спокойное и радостное.

Я спросилъ ее:

— Какъ зовутъ твоего мужа?..

Она отвѣтила, ясно улыбаясь.

— Абраимъ... Сынъ первый—Ахтеми, и еще Юнусъ... Скоро пріѣдутъ. Они тамъ ѣдутъ. Скоро увижу лодку. И ты увидишь! Она такъ сказала это „и ты увидишь“

точно была увѣрена, что и для меня увидѣть ихъ будетъ великимъ счастьемъ, великое наслажденіе принесть мнѣ съ собой лодка ея мужа, когда она покажется на горизонтѣ, гдѣ небо отдѣлялось отъ моря тонкой темно-синей чертой и куда она указывала мнѣ своимъ коричневымъ пальцемъ муми, высушенной на солцѣ юга, безпощадно жаркомъ.

Потомъ она снова заплѣла свою пѣснь ожиданія и надежды. Я слушалъ, смотрѣлъ на нее и думалъ: хорошо такъ надѣяться! Хорошо жить съ сердцемъ, полнымъ ожиданія великой радости въ будущемъ!

А Уми все пѣла, тихонько раскачиваясь корпусомъ и не отрывая глазъ отъ пустыннаго моря, еслѣпительно блестящаго на солцѣ.

Ея сознаніе, все поглощенное одной идеей не воспринимало ничего больше, и я, сидѣвшій съ нею рядомъ,—не существовалъ для нея. И полный уваженія къ ея сосредоточенности, чувствуя, что я готовъ завидовать ея жизни, полной одной только надежды,—я молчалъ, не мѣшая ей забывать обо мнѣ. Море въ этотъ день было спокойно, оно, какъ зеркало, отражало блескъ неба, и мнѣ не общало ничего. Я долго просидѣлъ рядомъ съ Уми и ушелъ не замѣченный ею, унося съ собой много грусти. Вслѣдъ мнѣ несласъ пѣсня и звонкій плескъ ручья, надъ моремъ рѣяли чайки, цѣлое стадо дельфиновъ рѣзвилось недалеко отъ берега—далѣ моря была пустыня.

Никогда и ничего не дожидается старая Уми, но будетъ жить и умереть съ надеждой въ сердцѣ...

II

Дѣвочка.

Среди больныхъ, гулявшихъ въ полдень по дорожкамъ парка, вдыхая цѣлебный воздухъ моря, я увидалъ однажды дѣвочку, поразившую меня огромными глазами, полными какой-то странной грусти,—грусти какъ-бы молча спрашивавшей о чемъ-то.

Трудно было опредѣлить ея лѣта—темные вопрошающіе глаза ея смотрѣли старчески—серьезно, взглядъ ея былъ взглядомъ челоуѣка, много страдавшаго и думавшаго. Но ея худое, костлявое тѣлце, и малень-

кое личко не позволяли дать ей болѣе десяти лѣтъ.

Розовая блузка висѣла на ея угловатыхъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ, и веселый цвѣтъ матеріи еще рѣзче отъивалъ желтую кожу висушенныхъ болѣзнью щекъ и шеи. Дѣвочка была немножко горбата и ходила переваливаясь съ ноги на ногу—очевидно, у нея ноги были кривы. Но невыразимая и грустная прелесть глазъ больного ребенка, привлекая и сосредоточивая на себѣ вниманіе, какъ бы сглаживала уродство тѣла, исковерканнаго болѣзнью, и дѣвочка была красива одухотворенной красотой мученицы.

Было ясно видно, что бремя болѣзни, исковеркавшей ея хрупкія кости, она несла со дня своего рожденія и что скоро уже смерть сниметъ съ нея это бремя. Она кашляла злоуѣщимъ, сухимъ кашлемъ и когда проходила близко отъ меня, я слышалъ—можетъ быть, это казалось мнѣ—ея учащенное дыханіе. Среди роскошной растительности парка, въ блескѣ южнаго солнца, она возбуждала странное и болѣзненное чувство—было жалко ее и какъ-то неловко предъ ней—точно я самъ косвенно былъ виноватъ въ томъ, что она такъ несчастна. Бывало она медленно идетъ по дорожкѣ парка и смотритъ предъ собой своими дивными глазами—вокругъ нея все цвѣтеть и жадно дышетъ оживляющимъ воздухомъ весны, поютъ птицы, кипарисы кадятъ небу своимъ ароматомъ, журчатъ обильные водой ручьи, всюду прорѣзывая зеленныя лужайки парка, море и небо любятъ другъ на друга, добродушно ворчатъ волны—точно сказки говорятъ; дѣвочка какъ-бы не видитъ богатыхъ красокъ и не слышать музыки возрожденія природы, она идетъ къ старому кедру и тамъ, въ тѣни его могуцихъ вѣтвей, садится на лавочку. Ее провожаетъ всегда одно и то же лицо—высокій челоуѣкъ, щегольски одѣтый, съ неподвижнымъ лицомъ и съ большимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ правой руки, въ которой онъ всегда держитъ толстую палку.

Когда дѣвочка садится на скамью, онъ спрашиваетъ ее:

— Устала?

Онъ говорить громко, и дѣвочка, вздрагивая отъ его вопроса, кивкомъ головы отвѣчаетъ ему. Сидитъ она, обыкновенно, долго—часъ и болѣе, но я никогда не видалъ, чтобы она разговаривала со своимъ провожатымъ. Глаза ея смотрять впередъ и безмолвно спрашиваютъ—кого? о чемъ? Противъ нея прудъ: среди пруда изъ воды торчитъ некрасивый пирамидальный камень, струя воды бьетъ высоко кверху изъ его вершины и съ звонкимъ шумомъ падаетъ въ прудъ. Тамъ, гдѣ эта струя, переламываясь, дробится на капли, и они каскадомъ падаютъ внизъ—лучи солнца окрашиваютъ ихъ во всѣ цвѣта радуги, это очень красиво и похоже на градъ изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней. Но дѣвочка никогда не смотрѣла на эту игру солнца—взглядъ ея направлялся всегда куда-то дальше того, что было предъ нимъ, точно она видѣла что-то сквозь предметы.

Это созерцаніе среди жизни, кипѣвшей вокругъ больной, производило какое то мистическое впечатлѣніе, близкое къ ужасу.

— За что она страдаетъ? Ради чего и кому нужно было, чтобы она родилась для такого существованія?

Такіе вопросы рождались при видѣ ея, и становилось холодно отъ этой жестокости, никому не нужной, и тѣмъ болѣе жестокой.

...Однажды, когда ея проводникъ—гувернеръ или отецъ?—ушелъ, оставивъ ее на лавочкѣ подъ кедромъ,—я сѣлъ рядомъ съ ней. Она посмотрѣла на меня и улыбнулась—печальной улыбкой, отъ которой у меня сжалось сердце. Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней, но я не зналъ—о чемъ,—и молчалъ смущенный ея взглядомъ, чувствуя къ ней что-то большее, чѣмъ уваженіе.

Вокругъ насъ раздавался веселый и мощный шумъ жизни, надъ нами птицы, у нашихъ ногъ муравьи—все торопилось жить, летало, пѣло, суетилось. Я смотрѣлъ на ребенка и думалъ: хорошо, если она не сознаетъ глубокой оскорбительности контраста между нею и кедромъ, подъ которымъ она сидитъ, и муравьемъ, на котораго она, не замѣчая его, бросила лепестокъ цвѣтка!

Она заговорила со мною первая:

— Вы тоже хвораете? улыбаясь, сказала она слабымъ голосомъ.

— Неможно, —отвѣчалъ я.

— Вамъ хорошо здѣсь?

— Да... А вамъ?

— Я не люблю, когда много солнца... и шумъ...

— Развѣ вамъ не нравится этотъ шумъ? Онъ же такой красивый... Послушайте—соловыи и жаворонки, волны моря и ручьи, шелестъ листьевъ...

— Много очень... и громко. Если-бы тише...

— Да, пожалуй, тише было-бы лучше...

Она съ убѣжденіемъ кивнула головой и сказала еще:

— Въ Петербургъ—вотъ гдѣ противно! А въ деревнѣ у насъ тихо, тихо! Особенно ночью. Я очень любила ночью лежать и слушать. Слушаешь долго... долго и ничего не слышно... точно и нѣтъ ничего на землѣ... и даже земли нѣтъ... Потому что-нибудь вдругъ услышишь и вздрогнешь... Такъ очень хорошо...

Она закашлялась.

— Вамъ вредно говорить...

— Да,—просто сказала она, помолчала и тихонько, почти шопотомъ сказала:

— Мнѣ все вредно...

Я всталъ и ушелъ отъ нея, боясь выдать предъ ней скорбное волненіе, охватившее меня.

Съ той поры, встрѣчаясь мы стали раскланиваться—она всегда кивала мнѣ головкой и улыбалась и съ каждымъ днемъ въ ея улыбкѣ все менѣе было жизни.

Однажды, когда я пришелъ въ паркъ и искалъ ее, я увидалъ безучастнаго господина, который шелъ мнѣ навстрѣчу держа дѣвочку на рукахъ.

Когда онъ поровнялся со мною, я, охваченный какой-то боязнью, тихо спросилъ его:

— Уснула?

Онъ озабоченно взглянулъ на меня и глухо отвѣтилъ:

— Умерла...